

СУФИЙ: ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

Над твердью голубой есть город золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой
А в городе том сад - все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красы.

Тебя там встретит огнегривый лев
И синий вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый.

А в небе золотом горит одна звезда
Она твоя, о Ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим. Кто светел, тот и свят.
Пусть ведет звезда тебя дорогой в дивный сад.

стихи А.Волохонского в исполнении Б.Г.

Старик сидел на ящике из-под винограда рядом с кованым ограждением Музея традиционных искусств. Ограда была старинная, выкованная еще во времена, когда причудливые арабески были в моде и встречались как в царских дворцах, так и в домах обычных горожан. Глаза старика были закрыты: он играл на маленькой тростниковой флейте. Неспешная восточная мелодия, издаваемая редким инструментом, состояла из повторяющихся музыкальных фраз и как будто вырисовывала затейливый, сложный узор наподобие арабесок ограды. Мелодия нежно обнимала музыканта. Звук ее, расширяясь правильной спиралью, уносился воздушными потоками во все концы большого города, который, казалось, никак не мог проснуться от спячки...

А вокруг сновали всевозможные разновидности современных городских жителей. С лицами, озабоченными по поводу или по привычке, они проносились мимо музыканта с трубками телефонов, прижатые к ушам разными частями тела, и совершенно не замечали ни его, ни прихотливой мелодии, исполняемой флейтой. Незнакомец, по-видимому, и не пытался привлечь их внимание. Не было рядом с ним ни шапки, ни пластмассового стаканчика - привычных атрибутов уличных музыкантов. У старика был нездешний, хотя и вполне узнаваемый жителями столичного города вид. Он был одет в довольно поношенный ватный халат, с уже почти стершимся рисунком, и какой-то восточный головной убор - вроде тюрбана - тоже весьма выдавший виды. Такого дедушку вполне можно было встретить среди продавцов из Средней Азии на базаре... а может даже подметающим улицы в утренние часы.

Если бы кто-то остановился и посмотрел на незнакомца повнимательнее, возможно, он заметил бы необычную деталь - его пальцы, державшие флейту, совсем не двигались. Казалось, что музыкант и его инструмент составляли одно

целое - и нежная песня, разливавшаяся над просыпающимся городом, исходила из самого сердца старика. Но поскольку никто из прохожих не останавливался, эта интересная подробность так и осталась незамеченной...

Подобно остальным горожанам, не обратила внимания на странного музыканта и Надежда, полная женщина сорока девяти лет, спешащая по своим будничным делам. Работала Надежда личным шеф-поваром у известного столичного бизнесмена Аскольда Ивановича Фальшберга, широкая сфера влияния которого как в деловом, так и в политическом мире стала притчей во языцех. Казалось, не было такой области зарабатывания денег, где Аскольд Иванович не приложил бы уверенно гребущую руку - нефть, строительные концерны, фармацевтическая промышленность, банки. Для поддержки бизнеса, конечно, господином Фальшбергом финансировалась пресса, телевидение и даже учебные заведения. Ну и, наконец, не столько для прибыли, сколько для создания имиджа он держал кинокомпании, рестораны, ночные клубы... Все это составляло огромную империю, опутавшую столичный город, словно спрут.

Раньше Надежда работала поваром в одном из ресторанов Аскольда Ивановича. Пища и все, связанное с ее приготовлением, было страстью и истинным талантом Надежды. Русская кухня, французская, китайская - любые кулинарные премудрости для нее не составляли никакой проблемы. И сама она часто отдавала должное произведениям своего искусства, поэтому и сложения к своим годам достигла весьма плотного и тяжелого. Всем новомодным низкокалорийным блюдам, которые Надежда готовила на работе, лично повариха предпочитала пирожки и кулебяки, тесто для которых заводила дома по старинным рецептам. Может быть, поэтому и лицо нашей героини постепенно приобрело форму, напоминающую пирожок - глянцево-румяную и сдобно-округлую. Маленькие, глубоко посаженные глаза с пирожкового лица то с любовью поглядывали на подходящее тесто, то оценивали цвет супа, а красноватый нос картошкой привычно принюхивался к хитросплетениям запахов, доносящихся из кастрюль на плите.

Когда-то радостей у Надежды было больше, и они были разнообразнее - но с годами их диапазон сузился до минимума. В молодости у Надежды были и ухагеры, а за одного она чуть было не вышла замуж. Но все кавалеры на поверку оказывались трутнями и бездельниками, к тому же любителями выпить, и все пытались что-то выгадать от связи с Надеждой, ничего при этом не отдавая. А некоторые, бывало, и рукоприкладства не гнушались. Надежда терпела нахлебников, обладая добрым сердцем и некоторой бесхарактерностью, а также страхом остаться одной... Но, в конце концов, и ее терпение заканчивалось. Очередной кавалер выставлялся за порог, оставляя в душе женщины все больше уныния, нелюбви к себе и все меньше надежды.

Все возвращалось на круги своя, к повседневной жизни, которая проходила однообразно, в неустанной циркуляции между рынком и плитой. Впрочем, такой режим, когда к вечеру хватало сил только добраться до постели и заснуть крепким сном, Надежде даже нравился. Присев хотя бы на минуту, она не могла не размышлять о бессмысленности ежедневной суеты и вообще своего существования: у нее возникало ощущение чего-то упущенного, неделанного. В последние годы к этим беспокоящим мыслям прибавились еще проблемы со здоровьем и смутный страх неизбежного конца. Старыми испытанными способами отогнать тревожное состояние, известными Надежде, были заесть ее, запить успокоительными таблетками, а то и пропустить рюмочку-другую. Можно было также забыться в какой-нибудь механической деятельности, типа перемывания уже чистой посуды...

Поскольку своей семьи у Надежды не получилось, весь пыл невостребованной заботы доставался потребителям ее произведений. Еда, приготовленная известным поваром, всегда находила поклонников среди посетителей ресторана - тех, кого называют любителями "простых земных радостей". Кулинарный талант Надежды был оценен и Аскольдом Ивановичем во время посещения им своего самого модного ресторана, и тут же по достоинству отмечен предложением работать шеф-поваром лично у него. Польщенная вниманием хозяина, Надежда с радостью оставила свою съемную жилплощадь и переехала в маленькую комнатку в загородной резиденции магната.

Аскольд Иванович в кулинарии разбирался не хуже любого ресторатора (как, впрочем, и во всем остальном, куда он вкладывал деньги). Он собственноручно составлял рецепты, по которым Надежда готовила для него блюда, и со странной настойчивостью следил за тем, чтобы все в доме ели только эту пищу - с особыми, экзотическими приправами. Приправы выдавались лично Аскольдом Ивановичем и обладали специфическим свойством, которое Надежде очень нравилось - они вводили ум в состояние некоей приятной забывчивости. Все тревожащие мысли о смысле существования уходили куда-то далеко, оставляя только тупое довольство и гипнотическую благодарность хозяину.

По-видимому, вся прислуга и личные помощники, проживавшие в доме Аскольда Ивановича, ощущали нечто подобное, потому что, несмотря на мизерную оплату, никто из них никогда не возмущался, а наоборот, старался угодить хозяину как мог. До Надежды доходили слухи, что во всех компаниях и заведениях, принадлежащих магнату, использовали такие же приправы: поэтому можно было биться об заклад, что каждый житель города, работавший на Аскольда Ивановича, находился в состоянии похожего гипнотического почитания. Иначе чем можно было объяснить всеохватывающую власть магната?

Итак, утро, когда старичок с флейтой появился в городе, началось вполне обычно: Надежда спешила на базар за свежими продуктами. Придирчиво отобрав лучшие овощи из больших разноцветных горок, заботливо разложенных продавцами, она отправляла их в большую корзину, которую вслед за Надеждой нес один из шоферов хозяина. Этот ритуал неукоснительно повторялся каждое утро в любое время года.

Однако что-то сегодня было не так, как всегда. В самом конце прилавка - там, где обычно усатый грузин продавал баклажаны и перец, сегодня стоял пожилой незнакомец в тюрбане и потертом ватном халате. Перед ним лежала всего одна маленькая зеленая дыня, которые больше на базаре никто не продавал, так как сезон бахчевых давно уже прошел. Старик молча улыбался Надежде и показывал на дыню, очевидно, предлагая ее купить. Надежда, будучи женщиной одинокой, отличалась недоверчивостью и подозрительностью. Первым ее порывом было развернуться и уйти, вместо того, чтобы покупать дыню ("последнюю и, небось, залежалую"), у какого-то незнакомца. Однако что-то в улыбке продавца показалось ей очень располагающим, и почему-то напомнило Надежде любимого ею в детстве деревенского дедушку...

Старичок, однако, совершенно очевидно, был нездешний ("наверное, из Бухары откуда-нибудь, и по-русски не говорит"). Пока Надежда колебалась, незнакомец отрезал маленький треугольный кусочек дыни, как нередко делают продавцы на базарах, и с улыбкой протянул ей. "Ну ладно, попробоваться разве только", - подумала женщина и взяла предложенный ломтик. Дыня была удивительно душистой: такую Надежда не пробовала никогда в жизни - а в

провизии она была специалистом не чета многим! Но по-настоящему необычным оказался не запах и даже не вкус дыни...

...Надежда вдруг забыла, что находится посреди шумного базара в большом городе. Она стояла на траве рядом с домом своего детства, и разные образы появлялись и исчезали перед ней, как на экране. Надежда видела себя, юную, веселую и радостную. Возможности жизни лежали перед ней, как дороги, расходящиеся от перекрестка. Но из бесконечного множества дорог, лежащих перед нею, девушка почему-то выбрала самую неказистую болотистую тропку, петляющую вокруг жиденьких елочек и упирающуюся в какую-то мрачную землянку. В эту землянку еще юная Надежда быстро забралась, как собака в конуру, радуясь иллюзии безопасности, предлагаемой жалким сооружением. Изредка с опаской Надежда высовывала оттуда нос, чтобы выковырять из земли какие-то полусъедобные комья, тут же утаскивала и поедала их в темноте землянки. Молодая женщина старела и дряхлела с каждой минутой, все реже и реже выглядывая из своей конуры, и в один прекрасный день перестала выглядывать вообще...

Сердце Надежды сжалось при виде этой картины. Она хотела закричать на эту глупую Надежду, сказать ей, что та променяла столько путей и возможностей на смрадную дыру, похожую на тюремную камеру; хотела вытащить ее оттуда за волосы...

...Очнулась Надежда оттого, что шофер испуганно тряс ее за плечо, и осознала, что стоит на базаре и громко кричит "Нееееет!!!!!" Вокруг собралась толпа: все показывали на нее пальцем и отпускали шуточки, а незнакомый продавец куда-то исчез. Надежда схватила шофера под руку, и они быстрым шагом ретировались с базара, подальше от смеющихся зевак.

Сев в машину, женщина стала перебирать овощи, чтобы успокоиться и отвлечься от тревожных мыслей, разбуженных необычным видением. "Господи, вот наваждение-то, вот наваждение", - повторяла она. Однако отвлечься не получилось - в корзине Надежда с ужасом обнаружила ту самую зеленую дыню, завернутую в какую-то бумагу, похожую на обрывок афиши. На обрывке была всего одна фраза, напечатанная типографским способом. В ней говорилось:

КОГДА НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ ВСТРЕТЯТСЯ В ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ,
ТО БЫК, ОРЕЛ И ЛЕВ УЗРЯТ АНГЕЛА...

Надежда подумала, что это отрывок из рекламы какого-то спектакля, поскольку фраза ей ровным счетом ничего не говорила... разве что она заметила там свое имя - Надежда.

Книг наша героиня не читала, да и интерес ее к культурной жизни не простирался дальше презентаций последних моделей сковородок. Просмотрев обрывок афиши подробнее, она нашла в уголке написанную от руки на правильном русском языке инструкцию, адресованную ей, Надежде. Сердце женщины забилося. В инструкции говорилось, что необходимо съесть всю дыню, включая кожуру и семена, но только очень маленькими порциями. Кроме того, предписывалось ни в коем случае никому не рассказывать о дыне, а менее всех - хозяину. Говорилось также, что сразу весь плод съесть было нельзя - это могло быть опасным для организма Надежды, отвыкшего от такой пищи.

Для чего Надежда должна есть дыню и что будет потом, сказано не было, и это казалось очень подозрительным. Первым побуждением женщины было поскорее выбросить сверток в окошко, вернуться к привычному ходу жизни и забыть все это происшествие как кошмарный сон. И, возможно, так бы это и произошло... но что-то внутри нашей героини заставило ее вспомнить ту стареющую женщину в

крохотной землянке из видения и улыбку старика, похожего на дедушку... и дыня была оставлена в корзине.

В то самое утро, когда Надежда направлялась на базар, совсем другая женщина, проходя аналогичным маршрутом мимо здания Музея, таким же образом не обратила внимания на сидящего рядом с ним странного музыканта.

Это была элегантная и безупречно одетая деловая женщина по имени Вера Павловна, тридцати пяти лет от роду, спешащая в большой офис в престижном районе столицы.

Когда-то Вера Павловна была многообещающим преподавателем логики и философии в одном из университетов города, защитила кандидатскую диссертацию по методам нейро-лингвистического программирования и даже готовила докторскую. У Веры Павловны был талант - некая харизма, способность управлять вниманием аудитории. Ее блистательные лекции даже самые ленивые студенты слушали от звонка до звонка, затаив дыхание.

Еще одним достоинством нашей героини был рациональный, энциклопедический ум, доминирующий над эмоциями; кроме того, она обладала прекрасной памятью, была корректна и аккуратна. Переубедить ее в научном споре было практически невозможно - несокрушимая логика, умелое использование слабых сторон в аргументах противника, и, что не менее важно, холодная голова всегда оставляли за ней последнее слово. Научное знание было страстью, затмевающей другие стороны жизни Веры Павловны: возможно, поэтому, а возможно потому, что склад ума нашей героини был суховатым и несколько мужским, личная жизнь ее не сложилась, несмотря на привлекательную внешность. Вера Павловна имела классические черты лица и, стоя за лекторской кафедрой, напоминала греческую скульптуру, высеченную из мрамора - прекрасную, но, увы, холодную.

Блестящего преподавателя и представительную женщину заметил небезызвестный нам Аскольд Иванович, бывший одним из попечителей университета Веры Павловны. Ей была предложена хорошо оплачиваемая должность директора одного из финансируемых бизнесменом новых и, предположительно, весьма перспективных проектов. Так наша героиня стала во главе учебно-просветительского заведения, которое распространяло книги, организовывало лекции и просмотр фильмов, посвященных особой теме, в последнее время ставшей чрезвычайно популярной у жителей города. Кратко эту модную тему можно было сформулировать так: "Как привлечь любовь, богатство и успех, а также добиться исполнения любых желаний".

Основные идеи вышеуказанной теории поступали от анонимного источника, каким-то образом связанного с Аскольдом Ивановичем, а возможно, и от него самого. Вера же Павловна, с ее талантом и энтузиазмом, оформляла эти идеи в доступную и увлекательную для простых горожан форму. Книги и фильмы расходились как горячие пирожки.

Суть теории состояла в том, что каждый человек подобен Творцу (ведь разве не об этом говорится в Библии и других священных книгах?). Следовательно, каждый человек способен сотворить в своей личной Вселенной все, что он пожелает. Оказывается, люди не могут создать для себя жизнь, подобную рогу изобилия, просто потому, что они забыли и никогда не используют способность как следует

представить желаемое, визуализировать, а потом привлечь его к себе многократными повторениями-мантрами.

Для того, чтобы добиться исполнения желаний, рекомендовалось на них как следует концентрироваться. Предлагались различные технологии такой концентрации, и объяснялось, как создавать четкий мыслеобраз желаемого и направлять на него мысли, намерения и усилия. Советовалось, в частности, постоянно держать в поле зрения изображения объектов своего желания и говорить фразы типа: "Я - магнит, привлекающий любовь, авторитет, богатство, успех, женщин/мужчин (нужное подчеркнуть)". Для подкрепления теории и придания ей солидности использовались высказывания известных в прошлом и настоящем людей, выбранные таким образом, что казалось, они действительно были сказаны именно по этому поводу.

Естественно, новомодная теория привлекла массу людей идеями оптимизма, позитивного мышления, исполнения желаний... Кто же против любви, счастья, успеха и всяческих благ? И кто же не желает его себе и другим? Однако суть концепции была - как в постулате хорошей рекламы - "правдой и только правдой... но не всей правдой". И вот в этом-то маленьком проценте, который как-то замалчивался наукой о привлечении счастья, содержалась одна очень важная истина относительно предназначения человека - высшего предназначения. В этом маленьком проценте была суть всех священных книг, часто и с охотой цитируемых в учении.

Однако Вера Павловна и ее сотрудники об этих мелочах не задумывались. Они непоколебимо верили в то, что делают благое дело. Не говоря уже о том, что и им самим это весьма прибыльное направление приносило ощутимый материальный успех. Офис их организации переехал в новое роскошное здание, а сама Вера Павловна и ее коллеги приобрели в кредит элитные квартиры в центре города. Будущее сулило только прекрасные возможности, и Вера Павловна относилась к этому на счет успешного применения новоиспеченного учения.

В то утро Вера Павловна спешила на одну из своих лекций, организованную для крупнейших издательств столицы. Тема лекции была, конечно, "Технологии привлечения успеха". И вроде все шло как обычно - Вера Павловна была, как говорится, в ударе, слушатели ее сидели, затаив дыхание и отложив ручки в сторону.

Но почему-то лекция сегодня у блистательного просветителя получалась не так, как всегда: что-то ее отвлекало. Наконец, Вера Павловна поняла, что это было - в дальнем углу лекционного зала сидел странный слушатель. Такие к ней на лекции никогда не ходили: вид посетителя совсем не вязался с этим современным офисом. Необычным визитером оказался уже известный нам восточный старичок, в своем потертом халате и старом тюрбане. Он тихо сидел в течение всего мероприятия, не произнося ни слова и не меняя спокойного и отрешенного выражения лица.

Когда лекция закончилась, и посетители разошлись, задав вопросы и получив, к полному удовлетворению, остроумные ответы Веры Павловны, наша героиня, уже собираясь покинуть зал, вдруг обнаружила, что странный старик стоит прямо перед ней и смотрит ей в глаза спокойным, сочувственным взглядом. Не произнося ни слова, старик протянул Вере Павловне книгу - старинную, потертую от времени, как и его халат. Корешка у книги не было, и пожелтевшие страницы были сшиты толстой шерстяной ниткой. Женщина сделала удивленное лицо и готова была задать недоуменный вопрос, но почему-то вопрос застыл у нее на губах, а спокойная сила, исходившая от старика, заставила ее взять протянутую книгу...

...Вера Павловна вдруг поняла, что смотрит на свою пустую ладонь, которая находится прямо перед ней. Однако "что" или "кто" смотрит, она понять не могла - казалось, что все ее тело являлось органом зрения - одним большим глазом. Этот орган зрения приближался к ладони, как фокус телескопа приближается к Луне: и вот уже линии на ладони превратились в горные долины, затем и они ушли - остались только скопления отдельных клеток... Телескоп продолжал увеличивать приближение, и вот Вера Павловна уже смотрела на отдельную клетку, которая оказалась, к удивлению наблюдающей женщины, совершенно сознательным существом, хотя и не таким, как человек.

Клетка питалась и росла за счет веществ, частично вырабатываемых ею, а частично доставляемых другими, соседними клетками. Несмотря на то, что питательные вещества, по видимости, приходили из ближайшего окружения, наша клетка знала, что они поступают по указанию Органа Управления, который находился где-то далеко. Орган Управления знал потребности всех клеток, и когда какие-либо из них нуждались больше других (например, чтобы победить болезнь или произвести новые ткани), он направлял этим клеткам больше полезных веществ, соответственно несколько уменьшая рацион всех остальных. Клетке требовались разные вещества - более грубые, простые, и более тонкие, неосязаемые: Орган Управления знал потребности в них каждого члена организма. Никогда ни одну клетку Орган Управления не оставлял без питания и помощи.

Часть полезных веществ, приходящих извне, наша клетка потребляла сама, а другую часть отправляла через соседние клетки на другие цели организма, также определяемые из центра. Клетка не знала, какие именно эти цели, однако полностью доверяла Органу Управления, который обладал общим планом по распределению питательных веществ. Чем больше жизненных соков прокачивалось через клетку - и грубых, и тонких - и чем эффективнее она служила всему организму, тем больше их ей посылал Орган Управления.

Так и жила наша клетка вполне счастливо и благополучно вместе со своими соседями, пока вдруг что-то не нарушилось в ее деятельности. Нарушение касалось самого основного - связи с сознанием Органа Управления. Почему-то эта связь стала неполной и прерывающейся, а потом и совсем почти пропала. Поскольку у клетки было и собственное сознание, ей вдруг пришло в "голову", что она может оставлять больше питательных веществ у себя, а отдавать соседним клеткам поменьше... а хоть бы и вообще все оставлять у себя! По неизвестной причине маленькая частица забыла, что составляет с соседями, да и со всем организмом одно целое. Она начала повторять мантру: "Я - магнит, привлекающий питательные вещества".

С этого момента клетка начала расти намного быстрее, поскольку все входящее присваивалось ею без остатка. Вот она стала в два раза больше, вот уже в десять раз больше своего обычного размера... Но самое страшное было еще впереди - ненормальное состояние клетки стало распространяться вокруг нее, как цепная реакция. Обычный процесс передачи жизненных веществ нарушился, и ближайшие соседи нашей клетки, не получая от нее ничего, тоже стали оставлять у себя все выработанное ими и присваивать соседское, боясь потерять питание. Эти клетки тоже непомерно разрастались...

Вера Павловна с ужасом поняла, что наблюдает появление и рост в организме раковой опухоли. Ей хотелось закричать на эти клетки, повернуть вспять болезненный процесс. Однако тут с ошеломлением женщина осознала, что она и есть та самая клетка, начавшая цепную реакцию...

Затем Вера Павловна увидела, что Орган Управления быстро заметил ненормальную работу клеток и направил своих "эmissаров" - белые кровяные

теляца - к месту заражения. Белые эмиссары тут же увели заболевшие клетки на лечение и посадили их на временную диету, пока сознание больных не придет в норму. После удаления больных клеток порядок в организме был быстро восстановлен, и взаимный обмен веществ потек, как и прежде, от одной клетки к другой, в соответствии с нуждами каждой, под руководством Органа Управления....

...Вера Павловна очнулась в пустом лекционном зале. Странный посетитель исчез, однако оставленная им книга по-прежнему была у нее в руках. Отходя от только что испытанного шока, Вера Павловна автоматически открыла книгу и стала ее листать. На первой странице была всего одна фраза:

КОГДА НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ ВСТРЕТЯТСЯ В ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ,
ТО БЫК, ОРЕЛ И ЛЕВ УЗРЯТ АНГЕЛА...

Покопавшись в своей энциклопедической памяти, Вера Павловна вспомнила, что эти четыре образа - бык, орел, лев и ангел - упоминались в Откровении Иоанна Богослова и часто изображались в средневековом искусстве окружающими фигуру Христа. Несмотря на знакомые образы, смысл фразы Вере Павловне был непонятен, хотя она заметила во фразе свое имя - Вера. Женщина решила обдумать фразу позже, и стала листать дальше. Книга оказалась собранием небольших историй. Некоторые из них напоминали волшебные сказки из "Тысячи и одной ночи" (а возможно, и были таковыми), другие были просто анекдотами или случаями из жизни древних учителей мудрости. И хотя смысл многих историй ускользал от привычного сознания Веры Павловны, она увлеклась чтением и подняла от книги голову, только когда за окном уже стемнело, и пора было уходить домой.

Старая книга произвела на женщину странное действие.

Во-первых, у нее сильно разболелась голова, но не так, как обычно при простуде или мигрени. Ощущение было даже не столько болью, сколько направленным пульсирующим давлением - как будто в голове у Веры Павловны было множество тонких пересохших русел, и какая-то сила, мощным потоком поступающая в голову, силилась пробить эти русла и наполнить все ее тело. Когда пересохшие русла вдруг "пробивались" и наполнялись живой силой, Вера Павловна чувствовала в этом месте головы вначале резкую боль, но сразу вслед за ней удивительную, сладкую легкость и приятную вибрацию.

Во-вторых, Вера Павловна поняла, что в ней всегда, всю жизнь был не один, а как минимум два разных ума. Только почему-то первый из них, которым она гордилась и развивала, узурпировал положение за счет другого ума, не такого активного, но, тем не менее, как-то существующего все это время на задворках сознательной жизни. Это был детский, непосредственный ум маленькой Веры. Он очень оживился при чтении сказок, и, как оказалось, прекрасно воспринимал все, что там было написано.

В-третьих, на Веру Павловну напало некое косноязычие, которое ей никогда не было свойственно. Голова ее вдруг стала звеняще пустой - ни слов, ни мыслей. Хотя женщина чувствовала, что все прочитанное в книге было усвоено ее вторым умом, она не смогла бы выразить суть этого знания в известных ей словах. Открывшаяся внезапно дверь как будто временно сделала трудным доступ к первому, знакомому сознанию Веры Павловны.

Глубоко внутри она ощущала, что прозябавший всю жизнь детский ум на самом деле был очень древним и мудрым, связанным с чем-то большим, чем отдельное человеческое существо; с тем, что знает всю истину - о самой Вере Павловне, обо всех людях и о тайнах Вселенной. Нужно было только навести мост между двумя частями ума, чтобы эти тайны могли проникнуть в повседневное сознание. Тогда

женщина смогла бы, наконец, говорить ясно и внятно о том, что она сейчас смутно чувствовала.

После всего происшедшего Вере Павловне не хотелось идти в офис, поэтому, закрыв книгу, она отправилась домой. Поскольку было трудно говорить, она не стала звонить помощнице, отправив сообщение, что нехорошо чувствует себя и не появится в офисе в течение нескольких дней. Нужно было о многом подумать...

В то самое время, когда Вера Павловна читала блистательную лекцию в роскошном офисе, а Надежда покупала овощи на базаре, Аскольд Иванович ехал на заднем сидении коллекционного роллс-ройса в одну из своих загородных резиденций. Салон машины был отделан редкими породами дерева и кожей крокодила, а ручки дверей, пепельницы и другие детали были из чистого золота. Аскольд Иванович вообще очень любил окружать себя предметами из ценных материалов, а также старинными произведениями искусства. Эти вещи как будто придавали ему больше значимости. Могло даже показаться, что он компенсировал отсутствие чего-то подлинного внутри себя... однако никто никогда не посмел бы намекнуть нашему герою, что такое пришло ему в голову.

Откуда Аскольд Иванович был родом, никто не знал. Казалось, не было такого языка, на котором он не мог бы свободно изъясняться. Роста наш герой был ниже среднего, но внешности, что называется, импозантной. Где бы ни появился господин Фальшберг, он тут же становился центром внимания. Про таких женщины обычно говорят "интересный мужчина". Черные волосы и довольно смуглая кожа выдавали неопределенно-южное происхождение Аскольда Ивановича. Он носил острую бородку и аккуратные усы. Очень темные быстрые глаза опытного дельца мгновенно проникали в душу собеседника и суть любой ситуации. В считанные минуты наш герой мог найти подход практически к любому человеку. Цель же такого подхода была всегда одна - сейчас или впоследствии использовать последнего в своих целях и предприятиях.

О возрасте Аскольда Ивановича судить было трудно - только его тонкое понимание человеческой природы, обычно приобретаемое с опытом, свидетельствовало о времени, проведенном им на земле. Судя по богатству опыта, наш герой должен был быть чуть ли не глубоким стариком. В любом обществе и стране он чувствовал себя одинаково уверенно; богатство и влияние как будто сами шли к нему в руки. Казалось, он владел всем миром и был неуязвим.

Однако никто в целом мире не знал - даже ближайшие помощники магната - об одной его роковой слабости. Вернее, слабости - слишком мягко сказано. Скорее это можно было назвать постоянным, изматывающим страхом. А дело было вот в чем.

Когда-то, очень давно, по мере завоевания Аскольдом Ивановичем невиданного положения и власти во внешнем мире, этот человек утратил прямой контакт с тем, что называется индивидуальной душой. Вследствие этого, организм его почти потерял способность производить некоторую жизненную субстанцию, необходимую всем созданиям для поддержания их существования и развития. Когда Аскольд Иванович с ужасом обнаружил это явление, он стал искать внешние средства поддержания жизнеспособности своего тела, и нашел, что единственным спасением для него могла быть только любовь искреннего человеческого существа.

Женщины, искавшие его внимания ради денег и положения, были совершенно бесполезны для этой цели. Спасением старого дельца могла стать

только очень юная душа, обладающая особой силой сердца. Найти такую девушку с возможностями Аскольда Ивановича было совсем не трудно. Однако загвоздка была еще в том, что это чистое сердце должно было отдавать ему любовь искренне и добровольно. А вот это уже было редкой удачей даже в долгой и разнообразной жизни нашего героя, и никакие возможности и связи не могли ему в этом помочь. Вот почему Аскольд Иванович тратил много сил и средств, чтобы найти подходящую девушку, а найдя, берег, как зеницу ока.

В то утро, когда происходили описываемые нами события, наш герой как раз направлялся к своему недавнему приобретению и невероятной удаче, которой он уже три года как не мог нарадоваться - восхитительной Любочке.

По современным канонам красоты Любочка, пожалуй, не могла считаться красавицей. Однако ей была присуща особая привлекательность, с первой минуты покоряющая всех, кто ее встречал - молодых и старых, мужчин и женщин. Это нечто было более тонким, чем правильные черты и пропорции; трудноуловимая, притягательная сила Любочкиного очарования проявлялась иногда в движении ее ресниц, улыбающемся нежном взгляде, легком наклоне головы или изгибе шеи. Эту силу излучали и большие светло-голубые глаза девушки.

У Любочки были довольно округлые, хотя и не без приятности, формы, и роста она была ниже среднего. Лицо девушки было также кругловатым - типичным для славянских кровей, сильно смешанных со степными - со светлой, почти прозрачной кожей и нежным, как у ребенка, ртом. Но поистине неотразимыми в Любочке были ее добрая улыбка и смех.

С самого рождения Любочка всем улыбалась. Все люди казались ей изначально добрыми и хорошими, и девочка сильно огорчалась, когда кто-то заставлял ее изменить такое представление. Даже теперь, в двадцать один год, немного повидав взрослую жизнь с обманом, лицемерием и завистью, девушка все равно не могла бы причинить кому-либо зло - по той простой причине, что эта субстанция напрочь отсутствовала в ее природе. Любочка не обладала блестящим интеллектом, однако ей был присущ ум сердца и живое эмоциональное восприятие.

Единственными Любочкиными недостатками были легкоеверие, неопытность и тщеславие, присущее юным девушкам, знающим о силе своего очарования. Эти свойства и использовал старый магнат, чтобы залучить нашу героиню в сферу своего влияния. Черный роллс-ройс Аскольда Ивановича увез Любочку прямо со школьного выпускного бала из маленького города, где девушка жила с родителями. Как и тысячи раз до этого другим юным девушкам, на которых столичный магнат имел особые виды, он предложил ей работу в одной из своих киностудий. Любочка была польщена - ее женская сущность была равнодушна к вниманию и восхищению, и перспектива сниматься в кино, пусть даже и на незначительных ролях, вскружила девушке голову.

Она увлеклась небольшими ролями, которые ей давали, и которые были иногда очень далеки от ее истинной природы. Ей пришлось играть женщин честолюбивых и женщин зависимых, женщин униженных или гордых, развязных и зажатых, и ни в одной роли она не могла проявить свое настоящее "я". Ее истинное "я" отошло на второй план и с сочувствием наблюдало на разные личины, которые примеряла Любочка на съемочной площадке. Но наша героиня была любознательна и с головой окунулась в мир нового опыта.

Постепенно господин Фальшберг стал уделять Любочке больше личного внимания, используя все ухищрения соблазна, известные ему с давних времен. Он не торопился, так как знал, что в этом деле поспешность могла только помешать. Старый лис нашел слабое место Любочки, как всегда, безошибочно. Как вор в ночи осторожно трогает каждый камень в кладке ограды, а, найдя слабый, незаметно,

но настойчиво расшатывает и вытаскивает его, а за ним другой, третий, - и рано или поздно проникает в дом, так Аскольд Иванович методично подбирался к своей жертве.

Слабым местом, с точки зрения магната, была Любочкина способность к состраданию; именно его он использовал, искренне рассказав девушке о своем страхе и вселенском одиночестве. Он признался, что Любочка была его единственным спасением. Девушка искренне пожалела его, и так, жалея, полюбила своего "благодетеля". Любить было естественно и легко для девушки. Она излучала любовь щедро, не ожидая награды, как цветок источает свой аромат. Из всех людей, знакомых Любочке, Аскольд Иванович был самой яркой, самой заметной фигурой. Всеобщее поклонение и восхищение создали вокруг его личности особую гипнотическую ауру, ослепившую неопытное сердце.

Все это привело к тому, что в одно прекрасное утро Любочка, как и многие другие до нее, проснулась в одной из резиденций господина Фальшберга, и ей было сообщено, что она теперь здесь полноправная хозяйка. Прислуга, исполнявшая любые ее прихоти, дорогие и диковинные подарки - Аскольд Иванович из кожи вон лез, только бы угодить своей юной пассии и заставить ее позабыть все, кроме нынешнего мирка, полностью подконтрольного ему. Любочку увлекли и заворожили удобства и возможности, открывшиеся благодаря обожающему ее опекуну - красивые наряды и еда на любой вкус, возможность ездить в разные страны, заниматься благотворительностью и помогать нуждающимся... да мало ли хороших вещей можно купить за деньги? Новая жизнь казалась девушке радостной и увлекательной, и она хотела испытать все, что мог предложить мир земного благополучия.

Еще более чем Любочка, радовался Аскольд Иванович. На какое-то время его страхи отступили, и в течение трех лет наш герой наслаждался состоянием, отдаленно похожим на счастье.

Однако в описываемый нами день, приехав к Любочке, он застал ее в необычном настроении - задумчивой и рассеянной. Когда Аскольд Иванович стал расспрашивать девушку о причине такого состояния, Любочка отвечала неохотно и отговорила плохим самочувствием. В сердце старого лиса, однако, закралась тревога, и он решил выяснить, что его подопечная делала в этот день, поминутно, у приставленного к ней шофера (и, по совместительству, соглядатая).

Шофер сообщил, что утром, прогуливаясь по городу, девушка почему-то изменила привычный маршрут, проходивший обычно по рядам с модной одеждой, и зашла в небольшой магазин, где продавались иконы и другие предметы культа. Это довольно неприметное место находилось на одной из тихих улиц в старой части города. Любочка пробыла там довольно долго, разговаривая о чем-то с молодым человеком за прилавком. Более того, никогда ранее не ходившая в церковь Любочка почему-то купила там небольшую икону и принесла ее домой.

Тревога Аскольда Ивановича возрастала с каждой минутой. Он тут же потребовал у одной из домработниц незаметно от Любочки взять упомянутую икону из спальни девушки и принести ему. Такое пожелание было незамедлительно выполнено, и привело хозяина в неопишуемый ужас, который, однако, был старательно скрыт от окружающих.

Вещь, принесенная прислужгой, окончательно убедила Аскольда Ивановича в том, что и магазин, и молодой человек были именно такого свойства, которое он знал с незапамятных времен... Именно от такого свойства пытался всеми силами оградить Любочку старый покровитель, старательно погружая юную душу в гипнотический сон земного счастья.

Дело было не в том, что икона являлась предметом культа - как опытный делец, Аскольд Иванович даже ценил некоторые иконы в качестве помещения капитала. Дело было в том, что вещь, приобретенная Любочкой, обладала необычайной силой, присутствие которой наш герой определял безошибочно и очень просто. Таких вещей он НЕ ВИДЕЛ. Все вокруг него могли видеть икону, включая шофера Любочки и всю прислугу, но только не сам хозяин. Потому-то, когда вошедшая в комнату домработница протянула Аскольду Ивановичу пустую руку, сказав, что это и есть та самая икона, все нутро старого дельца похолодело.

...Никто не знал, что когда-то, очень давно, одновременно с потерей способности возобновлять жизненную силу из источника, идущего от Творца, господин Фальшберг утратил и способность видеть предметы или людей, свободных от семени падшего ангела. Согласно некоему вселенскому плану или дизайну, подобные чистые от зла люди и предметы иногда проникали в подлунный мир, порой попадая и в наш город. Более того, вследствие некоторых особенностей божественного дизайна, упомянутые люди и предметы обладали неодолимой притягательной силой именно для женщин, с трудом находимых для себя Аскольдом Ивановичем: таких, как Любочка - чистых сердцем и способных на истинную любовь. Вся власть и богатство, принадлежавшие старому дельцу, не могли помочь ему против силы, появившейся в городе с известным нам молодым человеком.

Однако господин Фальшберг не сдавался и, будучи не в состоянии применить силу, решил, как всегда, прибегнуть к хитрости. У него был план: в сей же час, отложив важные дела и встречи, Аскольд Иванович принялся за его осуществление.

Оставим на время нашего героя и посмотрим, что же действительно произошло с его подопечной в то необычное утро.

Встав пораньше, Любочка решила начать день с похода по магазинам. Путь ее лежал, как обычно, вдоль одной из оживленных центральных улиц, где находились самые дорогие и модные заведения. В них покупатель платил огромные деньги не столько за то, что он покупал, сколько за то, где это покупалось. У каждой двери здесь стояли безупречно одетые лакеи, приветливо кивавшие проходившим мимо хорошо одетым дамам. Шофер Любочки, как обычно, следовал на почтительном расстоянии, чтобы не смущать девушку, но при этом не терял ее из виду.

Было довольно пасмурно и скользко из-за прошедшего недавно дождя, поэтому Любочка внимательно смотрела под ноги, стараясь не поскользнуться. Проходя мимо одного из магазинов, окна которого были закрашены белой краской по причине ремонта, Любочка неожиданно увидела прямо перед собой высветившуюся на асфальте фразу:

КОГДА НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ ВСТРЕТЯТСЯ В ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ,
ТО БЫК, ОРЕЛ И ЛЕВ УЗРЯТ АНГЕЛА...

Фраза ей ни о чем не говорила, однако показалась очень красивой и даже поэтичной; кроме того, Любочка увидела в ней свое имя - Любовь. Девушке нравилась поэзия: из всех видов словотворчества стихи были ей наиболее понятны и близки.

Конечно, появление слов на асфальте было необычным. Приглядевшись, Любочка поняла, что буквы были просто отсветами, проекцией, источник которых

находился в другом месте. Подняв голову, девушка увидела, что надпись была сделана на витрине магазина, замазанной белой краской. Яркий свет, льющийся из помещения, освещал ее, создавая видимость горящих букв на асфальте.

"Кто же и зачем это написал?" - думала Любочка, озадаченно всматриваясь в пустую витрину, как вдруг заметила чью-то фигуру, мелькнувшую внутри. Девушка не была уверена, но ей показалось, что это был какой-то пожилой человек в необычной, восточного вида одежде. Любочка подумала, что это разнорабочий из Средней Азии, нанятый для ремонта, и решила, что вряд ли именно он написал фразу на витрине.

Пока девушка размышляла над загадочной надписью, луч света в помещении вдруг изменил угол наклона, и буквы на асфальте "поплыли" вперед по тротуару. Завороженная Любочка последовала за ними. Светящиеся буквы повели девушку вдоль улицы; затем, совершенно потеряв связь и с источником света и с реальностью, свернули за угол и направились к тому самому небольшому магазину, где продавались иконы. У крыльца магазина буквы остановились и исчезли. Любочка подняла голову и в окне увидела того самого молодого человека, о котором рассказал Аскольду Ивановичу шофер. Он стоял за прилавком и со спокойной улыбкой смотрел Любочке прямо в глаза. Девушка поднялась по ступенькам и открыла дверь....

- Любочка, как давно я вас ждал, - сказал молодой человек.

От всех происшествий сегодняшнего утра наша героиня была настолько ошеломлена, что даже не спросила, откуда незнакомец знал, как ее зовут, и почему ее ждал? Юноша представился. Оказалось, что его звали Всеволод Иванович Златоградов, и работал он совсем не продавцом. Он писал иконы, которые в числе прочих предметов продавались в этом магазине, владел которым хороший друг Всеволода Ивановича. Как объяснил художник, сам владелец отлучился на полчаса и попросил товарища побыть за прилавком в его отсутствие. Чувствуя смущение и растерянность посетительницы, Всеволод Иванович, улыбаясь, сказал, что Любочка может чувствовать себя, как дома, брать и смотреть предметы на полках, если захочет, и задавать ему любые вопросы. Он также сказал, что покупать что-либо совершенно необязательно.

Единственный вопрос, вертевшийся у Любочки на языке - откуда художник знает ее? - она как раз и не смела задать. Поэтому спросила что-то общее, про иконы. Всеволод Иванович начал не спеша отвечать на ее вопрос, но Любочка почти не слышала слов... и понимала, что художнику это известно, но он продолжает говорить, чтобы дать ей время привыкнуть к нему. Любочка вбирала глубокий, мелодичный голос - казалось, что источник его находился в сердце молодого человека. Речь Всеволода Ивановича была немного необычной и напоминала старорусскую - так теперешние городские жители давно уже не говорили. Слова его складывались в предложения с правильным ритмом и напевностью, ложась в сердце собеседника подобно красивому узору. Любочка почему-то вспомнила колыбельные песни, которую бабушка в детстве ей напевала и подумала, что такой стиль речи художник, наверное, приобрел оттого, что был воспитан в очень традиционной семье.

Поняв, о чем она думала, Всеволод Иванович сказал:

- Это не нарочно происходит, Любушка, и не по воле моей. Это все благодать Божья. Чего бы она ни коснулась - все прекрасным узором становится. Коснется благодать моих икон - они силу Божью начинают излучать, и с ней видимую красоту и гармонию. Коснется благодать слов человека - они становятся ладными, и сами как будто в стихи складываются. Коснется благодать сердца человеческого - и оно

любовью светиться начинает, и немочь любую вылечить может - и душевную, и телесную...

- Скажите, а как получить Божью благодать - ведь не все так могут? Некоторые люди просят ее, просят; молятся-молятся, а все без толку? - спросила Любочка.

- Благодать Божья, милая Любушка - она как девушка прекрасная, которая жениха ждет истинного, единственно достойного. Она себе цену знает, и за кого попало замуж не пойдет. Невеста эта в светлице своей сидит, высоко-высоко, и тех, кто руки ее приходит искать, насквозь видит. А как почувствует сердце достойное, сама к тому спустится и женихом желанным назовет. Поэтому когда душу свою человек очистит; когда самости темной в нем не остается, благодать сама к нему приходит... и просить ее не нужно.

Теперь, когда Любочка освоилась и расположилась к нему, Всеволод Иванович стал рассказывать о себе подробнее. Оказалось, что живет он не в городе, а в маленьком скиту далеко на севере, где родился и вырос в семье потомственного иконописца. В город художник приезжает только, чтобы привезти иконы, но заниматься искусством своим может, лишь находясь в привычном мире, среди братьев-схимников. В городе же, как он сказал, "шуму постороннего много". Сам Всеволод Иванович, однако, не монах, и свободен жить в миру по мере необходимости. Поскольку в город он вынужден часто приезжать, над помещением магазина у него есть небольшая квартира, где он останавливается на время приезда.

Любочка слушала Всеволода Ивановича и украдкой рассматривала его на редкость приятные черты. Был он высоким, светловолосым и светлоглазым - типичный житель русского Севера. Густые волосы его почти до плеч были аккуратно стянуты маленькой черной шапочкой усеченно-конической формы. Кроткий, как у младенца, и всезнающий, как у мудрого старца, взгляд делал молодого человека похожим на одного из святых с икон, во множестве стоящих на полках. Любочка на минуту залюбовалась тонкими, как будто прозрачными, руками художника и его длинными пальцами, почти незаметно перебирающими малахитовые четки. Видя, на что смотрит Любочка, Всеволод Иванович сказал, что такие четки используют для особой молитвы, которая называется "сердечная молитва".

- При такой молитве, Любушка, слова произносятся не вслух, и не в уме, а в самом сердце молящегося. Такую молитву единственно Бог может услышать. Поэтому когда ум человека чего-то просит, молитва его пустая, бездейственная. А стоит сердцу попросить - все исполнено будет в миг. Беда-то в том, что сердца у людей молчат, разум их заглушает, как чертополох разросшийся...

Девушка невольно начала следить за легкими движениями пальцев Всеволода Ивановича, перебирающих бусины, и почувствовала, как каждое движение рождало невидимую сладкую волну, распространявшуюся в воздухе и пропитывающее все вокруг силой единения. Этот призыв вызывал ответную волну в существе Любочки, заставляя его блаженно вибрировать. Присутствие художника излучало неведомую земному телу мощь - но мощь его была не угрожающей, а нежной и притягательной. Девушка почувствовала, что не может и, главное, совсем не хочет сопротивляться этому притяжению.

Молодые люди стояли в полуметре друг от друга и разговаривали, а души их в это время стремительно протягивали друг к другу один пульсирующий лучик за другим. Любочка решила посмотреть прямо в лицо молодого человека, и увидела, что его глаза стали двумя потоками льющегося света. Девушка поняла, что это и был настоящий облик ее любимого, а тот, кем он казался поначалу - просто тень его настоящего, проекция, как те буквы на асфальте. Так они стояли вдвоем совсем

рядом, и скоро не стало никакого разделения между ними, одно пульсирующее облако света. Любочка закрыла глаза...

...и, своему удивлению, увидела себя стоящей рядом с художником перед чем-то, похожим на огромный экран, вроде тех, что в кинотеатрах. Только этот экран состоял из множества других экранчиков, поменьше, каждый из которых показывал какой-нибудь момент из жизни Любочки. В одном эпизоде Любочка была маленькой и сидела на руках у мамы; в другом - играла с друзьями; в третьем - подбирала бездомного котенка на улице... Стоило Всеволоду Ивановичу дотронуться до любого из маленьких экранчиков, как эпизод оживал и проигрывал сцену из Любочкиного детства. Забытые места, звуки, запахи, давно вытесненные из дневного сознания, вдруг всплыли в памяти девушки, и она поразилась, как много всего, оказывается, какая-то часть ее помнит - и всегда помнила, все эти годы!

Далее шли эпизоды, произошедшие после выпускного бала - небольшие роли, сыгранные неудавшейся звездой кино, жизнь в доме Аскольда Ивановича, участие в его званых вечерах и презентациях - многообразие довольно занятой жизни Любочки за последние три года. Однако когда художник прикасался к этим картинкам, она не оживали, а так и оставались неподвижной, мертвой тенью на экране...

- То, что ты видела сейчас, Любушка - это жизнь твоего сердца. В последние три года оно почти не жило, а как будто спало, - услышала Любочка голос Всеволода Ивановича. - Родовались тщеславие твое, жажда внимания, поклонения, а сердце истинное молчало... Поэтому при прикосновении моей силы эти картины ожить не могут...

...Девушка очнулась от неожиданного видения, пораженная и озадаченная. Всеволод Иванович по-прежнему стоял рядом и с сочувствием смотрел ей в глаза. У обоих было ощущение, что они стали одним сердцем, одним телом. Любочку пронзило необъяснимое воспоминание, что ни она, ни ее любимый никогда и не были отдельными людьми, а всегда были частями цельного существа, искавшими друг друга. Вся жизнь до сего дня предназначалась только для того, чтобы они, наконец, встретились.

Глаза Всеволода Ивановича ответили любимой на ее незаданный поначалу вопрос, сказав, что он знал ее давно-давно, еще прежде рождения. Знал он, и что Любочка может придти сегодня сюда, поэтому и ждал ее. Терпеливо ждал, пока юная душа ее пройдет через весь нужный опыт, чтобы стать душой ИСПЫТАННОЙ. Ждал, потому что любит ее с незапамятных времен, и что только ему она назначено Создателем. И Любочкино существо ответило, что тоже всегда ведало, каким он должен быть, любимый, и сразу узнало его. Только сказать словами об этом Любочка сейчас стесняется, и время на раздумья нужно только разуму девушки, а сердцу ее время не нужно, оно уже все решило...

- Подумай, Любушка, так, чтобы разум твой пришел в согласие с сердцем, и приходи навсегда. Это должен быть твой выбор, и только твой. Я буду ждать, и узнаю, если ты решишься придти. А Аскольда не бойся - когда последнее сомнение в тебе прейдет, его власть над тобой сама прекратится... Возьми вот это, оно будет тебя оберегать. В этой иконе великая сила, свет Создателя нашего, - Всеволод Иванович протянул Любочке маленькую иконку с изображением Божьей матери и младенца Иисуса. Иконка была овальной и такого размера, что поместилась точно в ладонь Любочки, спрятавшись в ней, как будто там всегда и была...

Весь день, вернувшись домой, Любочка не переставая думала о художнике и была очень рассеянной, едва обращая внимание на окружающих. Вечером, ложась спать, Любочка заметила приглушенный свет, исходящий от ночного столика. Приглядевшись, она поняла, что свет исходил от подаренной иконки. С большим изумлением Любочка стала рассматривать изображение Божьей матери и чудесного младенца. Ей показалось (и как она могла раньше не заметить?), что прекрасная дева была очень похожа на саму Любочку - округлое лицо с такими же ласковыми голубыми глазами и нежным детским ртом; такой же, как у Любочки, изгиб шеи и наклон головы...

Счастливая мать на иконе, улыбаясь, смотрела на младенца - маленького белокурого мальчика, с лицом, похожим на ее собственное, и одновременно на чье-то еще... Любочка вдруг залилась краской, осознав, на кого еще был похож младенец... и ей очень захотелось, чтобы все это стало правдой, и чтобы она могла по-настоящему прижать к сердцу маленького белокурого мальчика с глазами его отца.

Однако, к великому стыду, к вечеру на Любочку напали откуда-то всплывшие сомнения и страхи - за годы жизни у Аскольда Ивановича она так привыкла к предсказуемости, всеобщей услужливости и другим возможностям, предоставляемым ее положением. Ей страшно было оставить все это, когда она отправится в неизвестность новой жизни. Любочка ни секунды не сомневалась в своей любви и в своем выборе. Но ее одолевали мысли вполне практического характера - где и как они могли бы жить, решилась она уйти к художнику, и на что... Кроме того, девушка опасалась мести бывшего покровителя, боясь, что он никогда ее не отпустит добровольно и не простит побега.

Только под утро, обессилив от мечтаний о будущем и борьбы с беспокойными мыслями, Любочка, наконец, уснула.

Но вернемся к господину Фальшбергу и посмотрим, что он задумал, дабы воспрепятствовать Любочке встречаться с молодым человеком. Не откладывая дела в долгий ящик, хозяин вызвал Надежду и объявил ей, что с сегодняшнего дня она переезжает в резиденцию к его юной пассии, и будет лично готовить для девушки - естественно, по тем самым хозяйским рецептам, превращавшим пищу в гипнотическое средство. До сего дня Аскольд Иванович никогда не использовал такие средства по отношению к Любочке, потому что чувства девушки должны были оставаться подлинными. Однако сейчас хозяин надеялся, что такая временная мера заставит его подопечную забыть поход в то злосчастное место.

В тот же день Надежда переехала в новый дом.

Стоило только Любочке познакомиться и поговорить с новой кухаркой, как произошло то, что совсем не входило в планы Аскольда Ивановича - стареющая бездетная женщина полюбила девушку, как свою собственную дочь, безусловно и навсегда. Надежда рада была служить своей "дочке" верой и правдой и выполнять любые ее прихоти - независимо от платы. И что же здесь было удивительного - не любить очаровательную и добрую девушку было невозможно. Любочка тоже сразу прониклась расположением к Надежде. Двум душам казалось, что они давно знают друг друга, хотя объяснить это было трудно.

Надежда с утроенным пылом принялась готовить для своей любимой девочки. Все предписания хозяина относительно рецептов она соблюдала, как и прежде, за чем тот особо следил. Однако коварным планам по превращению пищи в

гипнотическое зелье не суждено было сбыться - и все из-за чудесной дыни. Как мог знать Аскольд Иванович, что каждый день Надежда, в соответствии с инструкцией на клочке старой афиши, съедала по маленькому кусочку той самой зеленой дыни?

Таких видений, как на базаре, к Надеждиному облегчению, у нее больше не было; тем не менее, женщина обнаружила, что дыня производила на ее тело интересное действие.

Съев кусочек, наша героиня уже не чувствовала сонного удовлетворения, ранее вызываемого едой Аскольда Ивановича. На нее также не действовали отупляющие лекарства или алкоголь - эти вещества быстро нейтрализовались в крови и становились безвредными. К Надежде вернулась живость мысли. Со всей ясностью она понимала свое состояние. Она также понимала, что ее жизнь по большей части прошла в бессмысленных заботах и примитивных интересах. Однако эти новые отрезвляющие мысли и ясное осознание были ей теперь не страшны, потому что у нее появилась Любочка - впервые женщина чувствовала радость заботы о другом существе, и ее жизнь приобрела смысл и счастье.

Было и еще одно важное изменение в теле Надежды, произошедшее благодаря волшебному плоду. Дыня содержала некое вещество (назовем его "эликсир жизни"). Свойством эликсира было приводить все, чего бы он ни коснулся, в гармонию со структурой Вселенной. Попав в тело Надежды, эликсир пробуждал в клетках их древнюю память, как они должны правильно функционировать. Пробудившиеся клетки начали быстро восстанавливать все, что было нарушено в организме за годы неправильного образа жизни и мыслей, главным образом из-за уныния и нелюбви к себе. Таким образом, одна за другой, все клетки стали подобными тем, что были в дыне.

Тело женщины становилось легче и моложе. Поток неизвестной Надежде ранее силы, приносившей очень приятные, блаженные ощущения, струился от основания позвоночника к темени и оттуда, завершая круг, возвращался к началу. В то же время два другие потока этой силы текли через темя женщины в направлении вверх и вниз. По пути своего следования потоки силы "зажигали" звезды в разных нервных сплетениях Надежды. Особенная яркая звезда начинала сиять в груди у женщины, распространяя тепло и радость во все уголки тела.

Надежда также заметила, что отработанные и застоявшиеся энергии, накопившиеся в теле за долгие годы, теперь автоматически выбрасывались им через особые выходы, находящиеся на ладонях и ступнях. Волшебная сила излечивала все хвори и немощи женщины, и вселяла в нее спокойную уверенность. Теперь ей попросту не нужны были средства, временно помогающие забыть о проблемах - и она выбросила в мусор все свои успокоительные таблетки и начатые бутылки.

Но и это было еще не все. Благодаря новой энергии в теле Надежды приготовленная ею пища, как по волшебству, приобретала целебные свойства, а любые дурманящие вещества испарялись без следа. Так Любочка была спасена от гипнотического забытья, уготовленного ей хозяином.

Видя, что план с привлечением Надежды почему-то не удался, и не понимая причины того, Аскольд Иванович решил применить второе, державшееся про запас, средство. Он позвонил Вере Павловне домой (потому что она так и не появлялась в офисе), и попросил поработать с Любочкой, как можно привлекательнее рассказав ей про теорию, пропагандируемую Вериним учреждением. Он также попросил Веру Павловну предложить девушке должность заместителя директора этого

учреждения, чтобы та сама имела возможность участвовать в "благородном деле просвещением масс". Зная талант Веры Павловны, Аскольд Иванович надеялся, что она сможет увлечь Любочку новым учением и убедить девушку, что тысячи людей будут осчастливлены их совместной работой.

Однако Вера Павловна уже и сама далеко не была уверена в правоте того, что делает; кроме того, у нее появилось недоверие к Аскольду Ивановичу. Молодую женщину одолевали сомнения, и она решила подумать и позвать на выручку своего нового помощника - книгу, оставленную необычным посетителем. В течение последних дней Вера Павловна обнаружила, что как только у нее появлялся насущный вопрос, волшебная книга открывалась на странице, содержащей некоторую историю или сказку, проливавшую свет на существо проблемы.

Аскольд Иванович дал ей полчаса на раздумья. Вера Павловна почувствовала, что не хочет больше выполнять волю прежнего покровителя и пойдет на все, вплоть до полного разрыва отношений. Это, безусловно, повлечет за собой потерю всех благ нынешнего положения - внимания толпы, высокого дохода, квартиры в центре города... Однако болезненные результаты отказа сотрудничать с Аскольдом Ивановичем были ерундой по сравнению с неизбежно ожидавшими Веру Павловну последствиями, наглядно показанными ей в видении про клетки. Молодая женщина открыла волшебную книгу.

...Книга открылась на странице со сказкой о том, как армия белого короля пыталась освободить город, оккупированный войском короля черного. Три раза белый король пытался взять крепость приступом, но безуспешно.

И тогда был задуман хитроумный план. Белый король отправил в город посланника, сказав, что отзовет свое войско, при условии, что черный король выплатит дань - по одному голубю от каждого жителя. Так и было сделано, после чего войско белого короля ретировалось.

Весь последующий день отступившие воины привязывали что-то к лапкам голубей и выпускали их в небо.

Прошло три года. Однажды ночью воины белого короля незаметно подошли к городу и, приблизившись на расстояние полета стрелы, стали выпускать за городские стены стрелы с зажигательной смесью на конце. Буквально за несколько минут город охватило высокое пламя. Воины черного короля в панике ринулись из крепости. К тому моменту, когда город стал свободен от захватчиков, пожар вдруг закончился так же быстро, как и начался. Воспользовавшись моментом, войско белого короля, стоявшее рядом в ожидании, тут же заняло город, и черный король вынужден был уйти навсегда.

Оказывается, три года назад к лапкам голубей были привязаны бумажные пакетики с семенами специальных растений. Каждый выпущенный голубь вернулся к тому месту, откуда был взят, а семена, разорвав тонкие пакеты, рассеялись повсюду. Через год семена проросли и оказались густым кустарником. А через три года весь кустарник высох и превратился в очень горючий материал, который мгновенно воспламенился от зажигательной смеси.

Однако, будучи очень тонкими, ветки кустарника быстро прогорели, и пожар вскоре прекратился, успев, тем не менее, создать панику в рядах черного войска. Времени, пока длилась неразбериха, было белому королю достаточно, чтобы воспользоваться положением...

Вера Павловна закрыла книгу. Она не была полностью уверена, что поняла смысл истории и ее отношение к злободневному вопросу. Однако женщина решила, что ей нужно пойти в дом Аскольда Ивановича, и эта временная уступка каким-то образом будет способствовать окончательному освобождению и ее самой, и незнакомой девушки от тирании их "покровителя".

Вот так Вера Павловна попала в дом, где жили две другие наши героини. Так же, как и Надежде, Любочка чрезвычайно понравилась Вере Павловне, и молодые женщины быстро прониклись взаимным расположением. Любочка пригласила гостью в столовую, где Надежда как раз подавала на стол, и предложила пообедать втроем перед тем, как Вера Павловна приступит к рассказу о цели своего визита. Надеждина еда гостье показалась чрезвычайно вкусной, и впервые за несколько дней молодая женщина почувствовала легкость и необычайную живость ума. Косность и невозможность выразить мысли прошли так же, как и начались - внезапно. Во время обеда все три женщины, совершенно разные по возрасту и складу характера, обсуждали разные забавные случаи из своего опыта и чувствовали себя непринужденно, как будто были знакомы всю жизнь.

Когда подошло время пить чай, Вера Павловна почему-то очень захотела показать Любочке книгу, принесенную необычным гостем, и рассказать, как она к ней попала. Во время своего повествования Вера Павловна с глубоким изумлением обнаружила, что и Любочка, и Надежда, похоже, знали, о каком человеке шла речь, и слушали ее историю, раскрыв рты. "Ну и дела", - только и могла проговорить Надежда и в ответ тут же рассказала свою историю - о волшебной дыне и о продавце на базаре. Две другие женщины выслушали и этот рассказ с все возрастающим удивлением... Но настоящая кульминация всеобщего изумления наступила, когда Любочка поведала о движущихся буквах, приведших ее к Всеволоду Ивановичу.

- И как, ты говоришь, фамилия у твоего художника? - спросила Вера Павловна.

- Златоградов...

- А как вам нравится такая фраза: "Когда Надежда, Вера и Любовь встретятся в Золотом Городе..."? - произнесла Вера Павловна.

Все три женщины переглянулись, кажется, начиная что-то понимать о природе событий необычного утра, в конце концов, сведших всех троих вместе.

- И что же нам теперь делать? - спросила Любочка.

Вера Павловна уже теперь точно знала, что нужно спросить совета у волшебной книги. Открыв книгу, она попала на короткую историю, которая называлась "Виноград", и прочитала ее двум остальным женщинам:

"Однажды встретились трое - таджик, туркмен и грек. Они вместе путешествовали, стремясь достичь некоего отдаленного места, но в какой-то момент у них разгорелся спор о том, как потратить единственную монету, которая у них осталась.

"Я хочу купить ангур", - сказал таджик.

"Я хочу изюм", - сказал туркмен.

"Нет, - сказал грек. - Мы купим стафил."

Мимо проходил путешественник, знавший много языков. Он сказал: "Дайте эту монету мне, и я помогу разрешить ваш спор".

Путешественник отправился в лавку и купил три кисти винограда.

"Вот мой ангур", - сказал таджик.

"Это как раз то, что я называю изюм", - сказал туркмен.

"Нет! - воскликнул грек. - На моем языке это называется стафил."

Они разделили виноград между собой, и желание каждого из путешественников исполнилось".

- Что-то мудрено это все, мне не понять, - сказала озадаченная Надежда.

- Одно я точно знаю - нужно идти к Златоградову, - сказала Любочка, - потому что из всех знакомых мне людей только он способен нам все растолковать.

Тут же был принят план действий - Любочка и Вера Павловна на машине последней поедут в магазин икон - так, чтобы шофер не узнал, где они. Надежда же останется дома и, в случае неожиданного прихода хозяина, скажет, что обе женщины поехали в офис Веры Павловны.

Когда Вера Павловна и Любочка подъехали к месту назначения, Всеволод Иванович сам открыл им дверь и улыбаясь, сказал, что уже и чай для них готов в подсобке. В другой ситуации Вера Павловна была бы поражена, однако после всех событий предшествующих дней уже ничему не удивлялась и решила просто отдаться на волю судьбы, которая, по-видимому, готовила для них долгожданное решение.

За чаем, Всеволод Иванович сказал им следующее:

- Значение сказки про виноград и слов про Золотой Город, которые каждая из вас увидела в соответственных для нее обстоятельствах, я вам обычным путем объяснить не смогу - да и надобности такой нет. Могу, однако, показать вам кое-что и намек дать.

Художник взял с полки одну из стоявших там икон и дал рассмотреть своим собеседницам. В центре иконы был изображен Владыка Христос, а в четырех углах - лев, орел, бык и ангел с человеческим лицом. Далее Всеволод Иванович объяснил, что синего цвета бык воплощает мощь и высшие способности тела. Бык-землепашец связан с Землей. Желтого цвета Орел связан с Воздухом и все зрит с высоты своего полета, поэтому символизирует всепроницающий разум. Красный Лев обладает силой сердца, поэтому повелевает чувствами, быстрыми, как Огонь. И все три священных животных на иконе с благоговением взирают на Ангела, подобного звезде.

- Когда три этих существа, три стихии и три составных части каждого человека (тело, разум и чувства) очистятся от низших проявлений и станут просветленными; когда все трое поймут, что к одной цели стремятся, хоть и называют ее разными именами, тогда Ангел - высшие способности, дарованные Богом Адаму - смогут в человеке проявиться, - сказал Всеволод Иванович. - В нужное время каждая из вас поймет, что это для нее значило. Сказать же сейчас вам я могу одно: пришел час вам троим - и Любви, и Вере, и Надежде оставить прежнюю жизнь и новую начать. Бояться этого не нужно, хотя сейчас и кажется, что привычного удобства она вас лишит. Верьте мне - Господь наш щедрый хозяин. Он ваши старые медяки забирает, а взамен платит чистым золотом. Так к чему за никчемные медяки держаться? Чтобы в новую жизнь войти, нужно от старой отказаться навсегда. Мой дом для вас открыт. Ни вещицы, ни копейки из старого дома не берите. Все, что для жизни нужно, Господин наш даст с избытком, и надежнее Его защиты нет ничего.

Потом Всеволод Иванович обратился к Вере Павловне:

- Ты, Вера, женщина умная очень и способная, только немного запуталась. Вот возьми учение твое - "как сделать, чтобы любое желание исполнилось". Ведь нигде в учении твоём не сказано, что человек может желать чего-то страстно, а вещь эта для него как нож острый. Ну вот, пьяница, к примеру, только одного хочет - чтобы пьяну всегда быть. И что, хорошо это для него? Этого ли Бог для него пожелает? А другой человек к власти рвется, потому что властью упивается, как пьяница вином. А третий и вообще, не дай Бог - соседский дом и пожитки для себя хочет. А что как его страсть исполняться начнет? Желания такие, самостью человеческой подсказанные, как идолы, уводят душу все дальше и дальше от Бога, от пути прямого. Потому что, как говорил Учитель наш Иисус, широки врата, ведущие к

погибели... Вот Бог и не дает душам, из самости своей не выросшим, в идолах-желаниях своих заблудиться. Для их же блага, чтобы высшее свое предназначение они смогли выполнить, не сбились с пути. А когда душа из самости вырастет, ее желания сами исполняться станут - потому как нет у такой души желаний кроме тех, что сам Бог хочет для нее...

Хотя слова Всеволода Ивановича могли показаться резкими, тон его и выражение лица были полны сочувствия и понимания, поэтому Вера Павловна несколько не обиделась, а наоборот, чувствовала признательность собеседнику за разрешение смутных ее сомнений. Художник продолжил:

- А теперь поговорим о том, что для тебя самой, Вера, Бог пожелал. Ты в последние дни поняла, что всю свою жизнь жила только малой частью разума своего. Как будто дом тебе дали огромный, с тысячей комнат, полных сокровищ, а ты все ютилась в подвале. И заставила же ты этот подвал всякой всячиной: книжками разными, бумажками, справочниками - нужными тебе и не нужными... Все, на чем буквы написаны, к себе тащила, и дверь, ведущую из подвала, совсем почти заставила. Оставшаяся же часть дома так и стояла нетронутой. Книжка волшебная - это дверь во все остальные комнаты. А чтобы весь дом изучить, с Божьей помощью, нужно теперь поработать тебе, но не так, как ты привыкла работать. Здесь, матушка, другие мышцы нужны, и помогать тебе их развивать мы все должны - и Любочка, и я, и Надежда. И еще одна душа, что сейчас на пороге стоит... Все знание, вся истина - они в сердце твоём есть, и от века были. Только дотянуться до них из подвала невозможно. Нужно дверь вначале от завалов книжных расчистить, и к настоящему знанию дверь открыть.

Вере Павловне нечего было возразить. Укоренившаяся в ней привычка спорить - вторая натура - мысленно все еще выставляла возражение за возражением, однако другая часть сознания понимала, что Всеволод Иванович прав, и доверяла его словам.

В конце разговора Всеволод Иванович обратился к обеим женщинам и рассказал, как им лучше поступить в теперешней ситуации. День Любочкиного побега, не откладывая в долгий ящик, решено было назначить на завтра, а Надежда и Вера Павловна должны были присоединиться к молодым людям вскоре после этого.

Когда прощались, Всеволод Иванович нежно задержал руку Любочки в своей, и сказал только, что все будет хорошо. И когда любимый держал ее руку, девушка почувствовала, как сила, похожая на ласковую молнию, пробежала сквозь все ее существо, и все вчерашние сомнения со страхами исчезли без следа...

Утром в день побега, собираясь из дома, Любочка надела свое старое платье, оставшееся еще со школьного выпускного вечера, и школьные же туфли. Из вещей девушка взяла с собой только маленькую икону Божьей матери, подаренную Всеволодом Ивановичем. Ни одной вещи бывшего хозяина и ни копейки денег, как и сказал ее любимый, не было взято. Выходя из дома и посмотрев на себя в зеркало, Любочка увидела красивую молодую девушку в скромном белом платье и с волнением во взгляде. "Я похожа на невесту", - подумала Любочка и покраснела, хотя мысль эта была ей очень приятна.

Она попросила шофера повезти ее в центр города, на ту центральную улицу, рядом с которой находился магазин икон. Шофер уже получил инструкции от Аскольда Ивановича ни в коем случае не подпускать Любочку к тому месту, даже

если для этого придется применить последнее средство, оставленное на совсем крайний случай. Шоферу был дан крошечный шприц с сильным снотворным, которое, будь оно введено Любочке, погрузило бы ее в глубокий сон на несколько дней. Девушка не знала об этом, однако любимый наказал ей быть осторожной со всей прислужгой, кроме Надежды; поэтому она была начеку.

Выйдя из машины рядом с обувным магазином, недалеко от которого, за углом, находилась желанная цель, Любочка зашла в магазин - якобы посмотреть новую коллекцию обуви - и сделала вид, что рассматривает товар, при этом украдкой наблюдая за шофером. Тот стоял рядом с дверью магазина, выглядывая Любочку, и по его напряженной шее девушка поняла, что он готов к самым решительным действиям. Любочке нужно было буквально несколько секунд времени, во время которых она могла бы выскочить из магазина, завернуть за угол и пробежать несколько шагов до знакомой двери.

Девушка попросила у продавца, который хорошо знал и ее, и у кого она живет (и потому был сама услужливостью), сотовый телефон и набрала номер Аскольда Ивановича, известный только ей. Она знала, что хозяин обязательно возьмет трубку. Услышав в трубке удивленное "Я слушаю", Любочка быстро проговорила: "Аскольд, тут мой шофер тебе что-то хочет сказать, подожди секунду..." и тут же, подойдя к шоферу, тихо произнесла: "Возьми, хозяин что-то хочет тебе сказать..."

Пока недоуменный шофер пытался выяснить у такого же недоуменного хозяина, что все это значит, Любочка подхватила и быстрее молнии исчезла за углом. Шофер, сообразив, что его провели, с руганью бросился за беглянкой, на ходу вытаскивая из кармана крайнюю меру воздействия; но, подбегая к крыльцу магазина, вдруг споткнулся о неизвестно откуда взявшийся ящик с виноградом.

Ящик перевернулся в воздухе, и неудавшийся преследователь со всего размаху упал прямо в янтарные гроздья, проехав еще полметра по тротуару в сладкой спелой мякоти. Вскочив на ноги и убедившись в своей целостности и сохранности, шофер побежал к двери, за которой исчезла Любочка, и где теперь висела надпись "Закррито". Дверь действительно была заперта и, заглянув в окна, шофер увидел только пустое темное помещение. Беглянки там уже не было....

"И откуда только взялся это проклятый виноград?" - думал шофер. Он готов был поклясться, что когда бежал, никакого ящика на пути не было. "Чертовщина какая-то..." Однако с падением в виноград в его голове произошло отрезвление. Преследователю стало не по себе от того, что он только что чуть было не сделал с бедной девушкой, которая всегда к нему хорошо относилась - чаевые давала, про мать его больную спрашивала. "А ведь я нормальный парень был, в ВДВ служил... Вот до чего хозяин меня довел... А, черт с ним совсем, не поеду я туда больше... А ключи от машины отправлю ему по почте. Вернусь в деревню, к матери", - думал парень, отряхивая прилипшие раздавленные ягоды и направляясь в сторону вокзала.

Но вернемся к нашей беглянке. Пока ее преследователь летел в виноградную кучу, Любочка быстро заскочила в открытую дверь и вместе с ожидавшим ее Всеволодом Ивановичем перешла к черному входу, который выходил в тихий внутренний дворик. Поднявшись по лестнице на второй этаж, молодые люди оказались в небольшой светлой квартире Всеволода Ивановича. Там Любочка подбежала к окошку и не могла сдержать смеха, наблюдая, как ее преследователь недоуменно смотрит на ящик и отряхивается от янтарной жижи, а затем уныло бредет в сторону, противоположную той, где оставил машину. Разбитый шприц со снотворным так и остался валяться на дороге.

- С ним все будет в порядке, - сказал Всеволод Иванович, - не волнуйся, Любушка.

- Это хорошо... А с нами? - тихо спросила Любочка.

- А с нами, любимая, уже все хорошо. Потому что ты решилась и пришла ко мне. Ты моя невеста. Никто нас не сможет больше и пальцем тронуть.

- И как же я могла не придти, если только и думала все это время о тебе... Я жизнь свою без тебя теперь не мыслю.

- И я не мыслю жизни своей без тебя. Потому и хочу спросить тебя перед Богом: готова ли ты принять и разделить все, что Создатель поручит сделать нам в этом мире? Готова ли ты, Любушка, стать моей супругой?

- Я готова, любимый, и пойду за тобой куда угодно, хоть на север, в скит.

- Любушка, туда тебе не нужно ехать. Условия там суровые, и живут в скиту люди не от мира сего, потому что у них своя задача от Бога. Они сохраняют в чистоте силу Создателя, чтобы нужный запас ее всегда был на земле, в любые времена. Ни минуты жизни они не проводят для своей самости. Моя же задача от Бога - эту чистую силу Создателя передавать сюда, в мир - сколько необходимо и тому, кто может ее с наибольшей пользой употребить. Для этого часть моего земного времени я провожу здесь, в городе. И это тоже по Божьему плану. Но писать иконы я здесь не могу, поэтому должен иногда на север возвращаться. А тебя Бог направил сюда, в этот мир, поэтому ты должна быть здесь. Потому что, Любушка, без чистых сердцем и без настоящей любви этот мир давно бы уже не существовал.

- Как же я смогу хоть день прожить без тебя, любимый? Сейчас, когда я тебя вижу, и на минуту отпустить тебя грустно. Это же не жизнь для меня будет, а одно страдание.

- Любушка, я раб твой верный навечно и жизнь за тебя готов отдать. Но, прежде всего, я Божий раб, и Господу моему служить обязан. Я буду здесь бывать так часто, как смогу. И ты во мне всегда будешь неотступно. Помнишь, когда я в сердце своем с тобой разговаривал, нам и слова были не нужны. Ближе, чем связь двух сердец, ничего не может быть на свете. Ни время, ни расстояния для этой связи ничего не значат. Ты уже поняла, Любочка, что нам предстоит сына родить. Душа его уже рядом стоит. А расти он должен здесь, в мире, потому что ему предстоит важная работа в этом городе. И Надежда с Верой призваны нам в его воспитании помочь.

- Да, любимый, я согласна. Перед Богом я говорю: ты мой муж возлюбленный, и все делить я с тобой готова.

- Перед Богом я говорю: ты моя возлюбленная жена, и я любить тебя и служить тебе обещаю до последнего вздоха.

Они говорили и не могли наговориться; глядели друг на друга и не могли наглядеться, позабыв про время. На город опустелись синие сумерки, и взошедшая яркая луна осветила в темноте двух влюбленных. Потом небо совсем потемнело, и заглянувшие в комнату звезды увидели только одно упоенное единством существо... и когда взошло солнце, их стало уже трое...

Утром, когда Любочка проснулась и обняла своего мужа, она подумала, что совершенно счастлива... Однако было что-то совсем незначительное, мелькавшее на задворках сознания и омрачавшее ощущение полноты счастья. Заметив тень на лице Любочки, ее любимый сказал:

- Кажется, я знаю, Любушка, чем сомнению твоему помочь. Ты тревожишься, как бы Аскольд нам чего не сделал. Напрасно беспокоишься, любовь моя. А чтобы ты навсегда в этом убедилась и не боялась больше, сделай вот что - сходи к нему сама и скажи-ка ему последнее прости-прощай.

Хотя Любочка по-прежнему немного побаивалась, она полностью доверяла словам мужа, поэтому, собравшись, тут же отправилась в офис к Аскольду Ивановичу. Тот принял ее незамедлительно. Войдя в роскошный кабинет своего бывшего покровителя, по размеру больше напоминающий конференц-зал, Любочка едва могла скрыть свое замешательство: Аскольд Иванович мало походил на того импозантного, уверенного в себе мужчину, которого она привыкла видеть. Перед ней сидел сгорбленный старик с потухшим взглядом и ставшей вдруг заметной густой сетью морщин под глазами. Никакие омолаживающие ухищрения принадлежавших Аскольду Ивановичу салонов красоты не могли скрыть признаков надвигающегося распада.

Когда сидящий за столом старик увидел Любочку, взгляд его стал еще более затравленным. Девушка хотела сказать своему бывшему покровителю, что ей жаль его - даже несмотря на то, что он хотел сотворить с ней - но что она больше никогда не вернется в прежний дом, потому что встретила свою настоящую любовь. Однако Аскольд Иванович не стал слушать ее, а отвернулся и махнул рукой, сказав, что он ее больше не интересуется, и она вольна идти на все четыре стороны.

Могла ли уходящая Любочка знать, что старый ее покровитель еще с порога понял, что Любочка была не просто ему теперь бесполезна, но хуже того, усиливала его и без того непомерный страх? Аскольд Иванович понял, что Любочка носит под сердцем дитя ТОГО человека, потому что когда-то принадлежавшая ему молодая женщина ИСЧЕЗАЛА прямо у него на глазах... навсегда покидая его мир.

С легким сердцем Любочка пришла домой и поведала свою историю улыбающемуся мужу.

- Ну что, Любушка, теперь поверила ты, какую силу в себе носишь?

Любочка кивнула.

- Скажи, любимый, ведь силе этой ничего не стоит совладать с его властью в этом городе? Как же он держит все в своих руках и столько людей себе подчиняет?

- С этим, Любушка, ничего пока нельзя поделать, потому что сила моя не может душу лишить свободы выбора, которую сам Господь ей даровал. Ведь многие люди в этом городе, свободу имея, по своей воле выбрали такую жизнь и такого хозяина. Выбрали по склонности своей, потому что несвободны сами от семени падшего ангела... сильны в них жадность, самость и невежество. Господь наш не зря сказал: "Богу Богово, а кесарю - кесарево". Аскольд живет, потому что существуют те, кто служить ему готовы. Много воды утечет, прежде чем души эти через испытания пройдут, и к нам дорогу искать станут. Человек - он ведь не черт и не ангел. Ангелы видят Бога воочию и только Его волю выполнять могут, а черт - только замыслы лукавого. У них выбора нет. Человек же выбор имеет и может к свету стремиться или к злу. Поэтому если мужчина или женщина, в невежестве родясь и Бога воочию не видя, все же выбирает к свету путь, ему и ангелы небесные в ноги поклонятся. Вот и тебе, Любочка, я сказал, что ты должна сама выбор сделать, своей волей придти ко мне. В миг, когда ты решилась окончательно, бывший хозяин твой над тобой не властен стал.

- Но разве не должны ангелы и святые люди помочь простому человеку дорогу к свету найти?

- Это правда, любовь моя, и это то, к чему я и братья мои призваны. У каждого из нас задача своя есть. Одни братья мою силу Божью на землю призывают и только им известными способами сохраняют в чистоте, чтобы запас ее всегда был на земле - про них я говорил тебе уже. Другие братья эту силу в мир несут и распределяют наилучшим для всего человечества образом в нужное время. Есть братья, которые словами учат, книги пишут. Есть такие братья, которые путь освещают, и каждому человеку, хотя бы раз в жизни, шанс дают - как руку помощи. Вот, к примеру, те буквы, что ты увидела в тот день, что пришла ко мне. Это один из братьев моих тебя вел. И Надежду, и Веру он ко мне привел, каждую лучшим для них способом. Всем людям знаки такие даются, только не все их замечают, а те лишь, что готовы уже к свету идти.

- А кто же они, братья твои, и где они живут? Там, на севере?

- И на севере, и во всех других частях света, там, где в них есть нужда. Я в христианской вере воспитан, но в любом народе и в любой вере братья мои есть - Господин же у всех у нас один. Узнать братьев моих мне легко - потому что известен нам единый язык - язык сердца, вот и без слов мы друг друга понимаем. И ты, Любушка, этот язык теперь тоже знаешь.

На следующий день пришли Надежда и Вера Павловна с маленькими чемоданами вещей, оставшихся от их прежней жизни до службы у Аскольда Ивановича. Женщины принесли новость, быстро облетевшую весь город - Аскольд Иванович решил навсегда уехать за границу, распродав свои активы и закрыв все увеселительные и просветительские учреждения, которые он содержал за свой счет "на благо горожан". Говорили также, что в числе прочей свиты старый магнат увез с собой совсем юную девушку, вчерашнюю школьницу, которой он пообещал карьеру звезды. Эта новость молодоженов совсем не удивила.

Надежда приняла Всеволода Ивановича безоговорочно как главу их новой семьи и без лишних слов принялась готовить для всех и наводить уют в квартире. Веру Павловну художник попросил помогать в магазине у своего друга, и обещал, что научит ее разбираться в иконах и других вещах, которые его братство изготавливало и распространяло в мире. Оказалось, что только часть икон друг Всеволода Ивановича продавал покупателям, заходившим в магазин, хотя его работы всегда пользовались спросом, и люди готовы были платить за них любую цену.

Основную же часть икон и других изделий братьев-монахов сам художник дарил тем, кому сам считал нужным или просто оставлял в совершенно неожиданных местах - например, в метро. Также Вера Павловна как-то увидела, как художник бросил в воду городской реки вырезанный из камня необычной формы крест, а в другой раз - закопал прихотливо ограненный кристалл на холме, где находились развалины старинного храма. На удивленный вопрос Веры Павловны Всеволод Иванович сказал, что он "видит" в каком месте города сила эта особая нужна, а также знает, каким образом ее лучше всего распространить. "В некоторых случаях вода - лучший способ, в некоторых - живые потоки, людские, а в иных случаях - земные токи, которые люди с давних времен знали и использовали, только вот сейчас позабыли совсем".

В положенный срок у Любочки родился прекрасный мальчик, которого назвали Всеславом. У младенца было материнское округлое лицо и отцовские глубокие голубые глаза, точно как на маленькой иконке. Надежда стала преданной

нянкой маленького Всеслава, и вместе с Любочкой растила его до трех лет, как собственного внука.

Две женщины наилучшим образом сочетались в воспитании необычного младенца. Надежда питала его земной пищей, лучше которой было не сыскать, а Любочка - необычайной силой своего сердца, без которой ни один ребенок не сможет прожить, как растение без света. Когда Всеславу исполнилось три года, Вера Павловна стала обучать мальчика всему, что знала сама и чему ее научил Всеволод Иванович, с величайшим терпением и заботой.

Нужно ли говорить, что все три женщины горячо любили Всеслава и называли его - наш Ангел. Мальчик действительно рос необычайный - он понимал людей и животных без слов, мог мысленно перенестись в любую часть света и рассказать, что там происходит, поразительно быстро учился любым знаниям и умениям и мог прикосновением руки исцелить любую болезнь. Но самое главное - даже само его присутствие преображало все вокруг.

Надежда, которая не отпускала своего названного внука от себя ни на шаг, помолодела на десять лет и выглядела так, как никогда раньше. Любочка, благодаря тому, что стала матерью чудесного мальчика, стала еще краше и очаровательнее. Вера Павловна тоже приобрела женственность и мягкость характера, которых ей всегда не хватало, и вышла замуж за друга Всеволода Ивановича - владельца магазина икон. Ни Надеждина дыня, ни Верина книга уже были не нужны - они выполнили свою роль. Присутствие Ангела и участие всех трех женщин в его воспитании отменили необходимость в любых волшебных предметах.

Всеслав был гордостью своего отца, который в нем души не чаял и находился с ним в постоянном внутреннем общении. Расстояния для Всеслава ничего не значили, и он мог видеть отца своего и говорить с ним в любой момент, когда хотел.

Так и жили Любочка, Всеволод Иванович, Надежда и Вера Павловна, душа в душу, растя и воспитывая их общего любимца в столичном городе, свободном от сбежавшего тирана.

Как-то воскресным утром, в самом начале весны, когда Всеславу исполнилось семь лет, по просьбе Всеволода Ивановича Надежда повела мальчика в Музей традиционных искусств. Выйдя из музея и проходя мимо кованой ограды с уже знакомыми нам арабесками, Всеслав вдруг остановился и, выпустив Надеждину руку, побежал в обратную сторону, как будто увидел там что-то чрезвычайно интересное. Обернувшись и не заметив ничего достойного внимания, кроме старого ящика из-под винограда, Надежда позвала мальчика:

- Славущка, ну что ты там! Пойдем скорее домой, там обед ждет...

Всеслав, не слыша Надежды, что-то в восторге рассматривал или слушал. Наконец, потеряв терпение и, подойдя поближе, женщина увидела в руках мальчика небольшую флейту, сделанную из речного тростника.

- Откуда это у тебя? - удивилась она.

- Дедушка дал.

- Какой дедушка? - Надежда оглянулась вокруг, однако никого не увидела.

- Он сидел здесь и играл на дудочке, а я его слушал. Потом он улыбнулся и дал дудочку мне.

Всеслав приложил "дудочку" к губам, и неожиданно, к невообразимому удивлению Надежды, флейта заиграла тонкую, прихотливую мелодию, как будто вырисовывающую затейливый рисунок, похожий на арабески... Звук этой нежной песни обнимал счастливого маленького мальчика и, расширяясь по правильной спирали, уносился воздушными потоками во все концы просыпающегося города, уставшего от долгой зимы и уже готового к встрече долгожданной, пронизанной солнцем весны...